

1

Солнце поднималось из-за зеленых
рюкзаков,
В лицах разгоралось понемножку.
Я, без друзей, без любви – без оков,
Ехал на первую в своей жизни
«картошку».

Люди окружали – разные, многие.
Каждый на виду, и каждый –
сфинкс.
И сфинксы-загадки по дальней
дороге,
Чуть позже навстречу судьбе
затряслись.

Приехали. Струдились. И – больше
«сфинклись».
Смотрю с надеждой на тайны
«физий».
Но вот – прикроватились,
риматрасились, свыклись,
И серость разлилась
в осенней слизи.

Утро явилось – ненужно-спящим,
Сбивая в ознобе сна коросту́.
И вот уже я, полузлой-полуспящий,
Вползаю на первую свою борозду.

И потянулась борозда суток,
За первой – вторая, и в скучной
сводне,

Казалось никогда не придет
промежуток,
Миг меж «вчера» и «завтра» –
сегодня.

Жизнь пролетала картошкой
в ведра,
Лица мелькали в душащем
однообразии,
И оставалось – «вкальывать» бодро,
И забываться в ночном экстазе...

Миг этот может и не пришёл бы,
Мимо прошел, ничего не сказав.
Но – под дождливую музыку
жёлоба,
Снова увидел тайну в глазах...

2

Из двух амбразур под потолком
Музыка нежная тихо лилась.
А я, задыхаясь, не веря, тайком,
Крался чистейшую душу украсть.

Никогда не забыть этот танец
мне бы,
Не забыть этот вечер и свет твоих
глаз!
... Angie, I still love you, baby!
Ev'rywhere I look I see your eyes* ...

* Из песни группы «Ролинг стоунс»
(перев. с англ.) – ...Милая, я все еще
люблю тебя, и куда не взгляну – вижу
твои глаза...

Луна мертвенно, совсем не к месту,
Противоречила мечтам и мифам.
Перебирался в день Седьмой

Шестый,
Нас осыпая блестками рифм.

Над нами – скорби полны потиры,
Огнём по сердцу – с небес слеза.
Но смолкла Лира над этим миром.
Пегас, взбрыкнувшись, сказал:
Слезай!

И Путь – не галактика,
А аллея садика.
Ушло суеверие,
и Бог с ним.
Всё не уйдет! И верил, и верю я
В Прекрасной Дамы моей нимб.

А не возьмется
судьба за глотку,
Их будет много – ночей и рифм.
Их будет много, коль не наткнется
Любовная лодка на быта риф...

5

Что вдруг случилось? Морозом
деревню схватило.
Хрупкий, замерзшей дождевой
звенит
Росточек любви. И такое отчаяние
к горлу подступило,
Что только лезь на колокольню –
и звонит...

За купол храма цеплялась неба
сырая щуплость,
Клубнями с мёрзлых борозд грязь
нарасталла.
А между нами – огромное поле
расхлупалось.
Любовь через грязь не пробилась,
увяла.

Снова унижало вечернее пьянье,
Маленького любёночка бия
и калеча.
И, кажется, нет сил на покаянье,
Будто бы нам и покаяться не в чем.

Надеждой единой жив человек –
Может, пробьётся росточек
малый?!
В путанье взглядов, в дрожании
век,
Бился о стену, и не понимала.

И снова – мимо, как незнакомая...
Неужто опять сглотну горя ком я?!

Мимо. Дальше. И не остановлю.
С ног свалюсь не у ног твоих.
Всю глыбу горя на себя взвалю,
Чтоб не давила одна на двоих.

6

Ночью царапаешь логово
в двадцать когтей,
Только в ожидании чуда
и дышишь.
А чудо – ждет. Только вот где?
Может это оно осторожно ступает
по крыше?

Или за стенкой лежит, точно
также меня ожидая,
Глаз не смыкая, перебирает корот-
кие мгновения встреч?
Или уходит по лунному тракту,
признание в звезды кидая,
Из-за гордо и беззащитно
вздёрнутых горем плеч?

Такая кричащая темнота –
уши заткни, глаза выколи, –
Никуда не денешься от твоего
неотвратимого присутствия.
Господи, до чего ж мы, люди,
к тому привыкли,
Чтобы нас всегда понимали и
(обязательно!)
делились добрыми чувствами!

А если нет – то, как же?
Счастье близко, за стенкой.
А говорить с ним – разве только
азбукой лбов.
Вот кто-то, знающий другую
азбуку,
в сенях на гитаре затенькал.
Что же – может это его
единственная и неповторимая
любовь?

И снова, горем горе поправ,
Тесное небо лилось и лилось,
Захлестывая всех – кто прав
и не прав,
По лужам размазывалась горькая
злость.

7

Снова дождь – очищенье,
спасение,
Слова дрожь, дрожь дождя крыш
меж.
Как глупы, далеки опасения!
Больше слова такого не выжмешь.

Всё прощание – всепрощение.
Лишь с дождем его горечь

выльешь.

Ты – гроза моя, очищение,
Я собою с тобой и был лишь.

В плаче падал всевидящий глаз
фонаря

За звездою – на грудь небесам,
Где чернела от горя заря, озаря,
Что у ног твоих разбросал...

...
Ночь длинна, а силы на исходе.

Утром снова забывать тебя
в осенних холодах.

И весь день, в растущем ожидании
чуда на заходе –

Им дышать, и жить, и снова ждать,
с рассудком не в ладах.

Всё кончается, уходит даже самое
хорошее.

Я, в погоне за лучшим,
хорошего теперь не имею.

Надо мною небо,
облаками, как мхами заросшее,
Нависает. А я всё стою и молчу,
в ожидании разлуки немея.

Вот уже позади всё непознанное
и всё первое.

Мудрый сфинкс улыбнулся,
непонятно сказал и растаял.

А я всё ещё жду, ничего не желая
и веруя,

На морозе людском, в мох
небесный дыша и вращая...

1980-2022

